

Б Л И З О С Т Ъ

истории

о сильных

чувствах

Д Э Й Л А К К И

ОТМОРОЗОК,

или

50 ЖЕЛАНИЙ

Москва

УДК 821.161.1-993
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л19

Лакки Дэй.

Л19 Отморозок, или 50 желаний / Дэй Лакки. —
Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (Близость.
Истории о сильных чувствах).

ISBN 978-5-04-205913-1

Стоит лишь сделать шаг навстречу запретной страсти,
и назад пути нет.

Попав в мир столичной роскоши и правил высшего
света, Шерон становится марионеткой в руках харизма-
тичного и циничного Эрика. Теперь она обязана испол-
нить пятьдесят его тайных желаний. Каждое из них — шаг
к пропасти, где ненависть смешивается с неукротимым
влечением. Но рано или поздно Шерон понравится эта
игра...

УДК 821.161.1-993
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205913-1

© Дэй Лакки, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Шерон

Я сидела на открытой террасе пентхауса. Роскошного пентхауса стоимостью... Впрочем, не знаю, сколько он стоил. Наверняка какой-нибудь дохреналион денег. Еще одно доказательство того, что моя мать крайне удачно вышла замуж во второй раз.

Поэтому мне и пришлось приехать сюда, в огромный город, чужой и пустой. Не могу сказать, что это меня хоть немного обрадовало.

Я сидела с бокалом вина в руке, смотрела на мерцающие огни, не замечая того, что они расплываются, превращаясь в яркие пятна от навернувшихся на глаза слез. Слезы — это то, что я могла себе позволить. Сейчас, когда в квартире, кроме меня, никого не было, я могла дать волю чувствам, не пряча их за вежливой улыбкой.

— Ну что, сестричка, пьянствуем в одиночку? — раздался холодный голос у меня за спиной.

Вздвогнув от неожиданности, я резко обернулась. В дверях стоял высокий молодой человек.

«Сестричка».

Я сразу догадалась, кто это.

Сын мамино нового мужа. Эрик. Он тоже живет в этой огромной квартире. Утром, когда мы приехали с чемоданами и коробками, его не было. Стив, мамин новый муж, сказал, что Эрик уехал на несколько дней.

Ну вот он и вернулся.

Я сразу подобралась и отставила свой бокал.

— Эрик? Здравствуй. Меня зовут Шерон... Но ты, наверное, уже знаешь... Твой отец и моя мама ушли ужинать в ресторан. — Все это я промямлила, то и дело заикаясь, спотыкаясь о слова...

Я чувствовала себя неловко, словно нарочно вклинилась в его жизнь, без спросу забралась в его дом и теперь была во всем виновата.

Пока Эрик молчал, я украдкой его рассматривала. Темные волосы, тонкие, словно выточенные черты лица, жесткий взгляд. От этого взгляда мне стало неуютно, словно с ног до головы окатило холодом, несмотря на жару.

Конечно, я не ждала, что новоиспеченный родственник бросится ко мне с братскими объятьями, — мы чужие друг другу люди. Но хотим мы этого или нет, нам все равно придется пересекаться и общаться. Обычной доброжелательности мне было бы достаточно, чтобы стало чуточку легче.

— А ты, значит, здесь одна?

Недобрый взгляд полоснул меня словно лезвием. Не осталось ни малейших сомнений: ему не нравилась ни я сама, ни мое присутствие в их доме.

К тому же, судя по блеску в глазах, Эрик хорошенько выпил и уж точно не ограничился бокалом вина.

Мне стало не по себе от исходившей от него опасности. Все мои инстинкты обострились и в один голос кричали: «Беги, и лучше прямо сейчас!»

— Извини, я не знала, что дома кто-то есть, — тихо, чтобы не провоцировать Эрика, произнесла я. — Пойду в свою комнату.

Я направилась к двери, ведущей с террасы в помещение. Еще один шаг, и я вырвусь из-под плетей его взгляда.

Но такой вариант его, кажется, не устраивал. Он преградил мне дорогу, заслонив собой дверь.

— О, в свою комнату, — хмыкнул он. — Быстро же ты тут освоилась.

Такой сарказм показался мне неуместным. Разумеется, мне выделили отдельную комнату в этом огромном пентхаусе. Или он, судя по недовольному тону, хотел, чтобы я ночевала под дверью? Однако озвучивать свои мысли я не стала.

— Пропусти, пожалуйста. — Я старалась говорить как можно ровнее и дружелюбнее, чтобы не начинать наше знакомство с конфликта.

Только Эрик явно был настроен иначе и даже не пытался это хоть как-то скрыть. Его губы изогнулись в усмешке, а взгляд по-прежнему оставался жестким и неприязненным.

Мы стояли близко друг к другу. Я заглянула в его глаза и зябко поежилась. Расширенные зрачки практически поглотили радужку, так что невозможно было даже определить, какого они цвета.

Поймав себя на том, что, сама того не желая, слишком долго рассматривала Эрика, опустила взгляд, но он тут же споткнулся о колкую линию губ. И вернулся обратно — к глазам, которые за мной внимательно наблюдали.

— Зачем же ты убегаешь, сестричка? — с издевкой поинтересовался Эрик. — Давай познакомимся поближе, и я тебе тут все покажу.

— Не нужно, спасибо, — пробормотала я и предприняла еще одну неловкую попытку просочиться в дверь.

Безрезультатно. Он стоял как скала и даже не думал подвинуться.

А в следующее мгновение резко схватил меня за руку и с силой потянул дальше, к краю террасы. Моя слабая попытка сопротивления была проигнорирована. Он был намного сильнее, а еще его, кажется, подпитывала непонятная мне злость.

Несколько секунд — и вот мы стоим у самой кромки. И от бездонной пропасти внизу нас отделяет лишь прозрачная перегородка. Навер-

няка крепкая, из какого-нибудь непробиваемого материала, но такая хрупкая на вид.

Сердце заколотилось, спина покрылась предательскими капельками пота, страх пронзил все тело словно разрядом тока...

— Смотри, сестричка, — последнее слово Эрик выплюнул словно ругательство, — это город. Очень большой город. Ты, наверное, ничего подобного никогда не видела.

Он издевается. Понятно.

— Думаешь, если я приехала из провинции, то понятия не имею, что такое уличное освещение? — Не сдержалась. И тут же вскрикнула, потому что пальцы на моем локте сжались сильнее, причиняя боль.

Только вот Эрик меня не отпустил. Похоже, ему нравилось видеть мою боль и мой страх. Он лишь самодовольно усмехнулся и подтянул меня еще ближе к перегородке.

— Скажешь, что там все было так же, как здесь?

Нет, не так. Там было безопаснее, спокойнее и ни одного сумасшедшего поблизости. Но на этот раз я предпочла оставить свои мысли при себе. Не злить его, не провоцировать, иначе...

Мой взгляд мазнул по пропасти, которая растянулась внизу, и метнулся к лицу нового родственника.

— Пусти сейчас же, — громко и отчетливо проговорила я, стараясь не выдать своего волнения. — Или я все расскажу родителям.

Было отвратительно прикрываться ими, но лучшего выхода я не нашла. Впрочем, и это не слишком помогло.

— В самом деле? — Брови Эрика взлетели вверх. — И тогда они разведутся? Если так, то пожалуйста, рассказывай. Я даже добавлю красок в рассказ, чтобы он их впечатлил.

С этими словами он развернул меня спиной к себе и плотно прижался сзади.

Я снова рванулась, чтобы уйти. Но Эрик держал меня крепко, всем телом прижимаясь, надавливая, будто хотел столкнуть.

Он и правда сошел с ума!

— На твоём месте я не стал бы дергаться. — Эрик был так близко и говорил так тихо на ухо, что его шепот словно проходил сквозь меня. — Одно неосторожное движение — и упадешь.

Я посмотрела вниз, и у меня закружилась голова, а воздух в легких закончился. Какой тут этаж? Двадцатый — не меньше. Чернильная пустота, которая разверзлась внизу, внушала ужас. Я буквально застыла, парализованная страхом.

Казалось, единственное, что меня еще удерживает, — это крепкое тело, прижимающееся ко мне, и дыхание, опаляющее мою щеку. Горячее, но от него я все сильнее дрожала.

Я боялась, что Эрик отпустит меня. Боялась, что его дыхание оборвется, а следом и мое. Боялась, что он прижмется сильнее, и мы улетим

в эту гулкую сияющую пропасть. А еще было страшно от того, как плотно и бесстыдно Эрик уже прижимался ко мне.

Так не должно быть.

Неправильно.

— Так-то лучше, — удовлетворенно прошептал Эрик, неожиданно скользнув рукой по моей груди. — Гораздо лучше, не так ли?

— Пусти, пожалуйста, — прошептала я сквозь подступающие слезы.

Но он будто не слышал.

Или просто наслаждался моей беспомощностью. Медленно выдохнул, обдавая мое ухо горячей волной, а потом, как будто этого мало, сжал пальцами мою правую грудь. Взвесил ее на ладони, издал удовлетворенный выдох и сжал еще сильнее.

— Пусти, — повторяю я, хотя и знаю, что бесполезно.

— Уверена, что ты этого действительно хочешь? — Очередная усмешка.

И его ладонь забирается под мою футболку, а подушечка большого пальца ласково, обманчиво ласково очерчивает мгновенно набухший сосок.

Я молчу, захлебнувшись собственным вдохом, но Эрик и не ждет от меня ответа, он отвечает сам:

— Не уверена.

Я буквально сгораю от смущения, поскольку отчетливо понимаю: несмотря на внутреннее

сопротивление и страх, несмотря на мои попытки вырваться и отстраниться, тело почему-то с готовностью отзывается на каждое его прикосновение.

Но главное, Эрик тоже это понимает. Чувствует, не может не чувствовать. И это ужасно!

Он сжимает сосок между двумя пальцами и чуть оттягивает. От удивления и разряда удовольствия, который пронзает мое тело, я подаюсь чуть назад, где меня с готовностью встречают.

Я чувствую, как он возбужден.

Наверное, чтобы точно не осталось сомнений, он потирается об меня, и слишком тонкая ткань юбки не дает мне шанса на самообман. Его член практически вжимается в меня, кажется, даже задевает мои трусики, будто пытаюсь их отодвинуть.

— Вечер становится интереснее, — снова доносится его шепот.

Я понимаю, что должна что-то сделать. Но застываю, парализованная страхом.

Потому что не знаю, какое из двух зол лучше: пропасть передо мной, которая сияет огнями и гудит машинами, или пропасть, которая затаилась за спиной, чьи жадные лапы ползают по моему телу, изучая его, оставляя на нем отпечатки, заражая его странным, непривычным желанием.

Секунда спустя, и вот уже другая ладонь Эрика накрывает мою вторую грудь. Прикусываю

губу, понимая, что у меня была возможность вырваться, но я ее упустила, и теперь...

— Так гораздо приятнее, — снова констатирует он.

И вот уже оба моих соска в плену его пальцев. А он играет со мной, то оттягивая соски, то поглаживая. То взвешивая в ладонях мою грудь, то сжимая, как желанную добычу, которую больше не собирается упустить.

Его член продолжает тереться об меня, ощущаю, бесстыдно. Как будто мой мучитель ожидает, что я откликнусь, прогнусь в спине и начну на него насаживаться.

Мне жарко, душно, и я не знаю, причиной ли тому только летняя жара или что-то еще. Чувствую, как меня пробирает дрожь от этих прикосновений. И от шепота, который задевает кожу, касаясь ее мягким бархатом.

Очередная попытка вырваться с треском проваливается.

Он просто прижимается сильнее, держит крепче.

— О, да ты торопишься? Что ж, мы можем ускориться.

Словно в наказание, его рука соскальзывает вниз и замирает у меня между ног.

— Нет! — вскрикиваю я.

Теперь становится действительно страшно.

— Но если ты будешь послушной, я могу не спешить.

Его ладонь не поднимает мое платье, не пытается залезть в трусики, не надавливает, чтобы погладить меня через ткань. Просто остается неподвижной. Делает вид, будто у меня действительно есть выбор. Что, если я кивну и оставлю попытки сбежать, он ограничится лаской груди, а дальше не тронет.

Теперь мне становится жутко.

Потому что если он все-таки сделает это... если прикоснется и там... и если потом...

— Не надо... — шепчу едва слышно и киваю, указывая прямо перед собой, на огни, которые начали размываться от слез. — Лучше просто сбрось меня вниз и покончим с этим...

Секунда.

Две.

Он словно раздумывает над моим предложением.

— Неправильный выбор, — наконец заявляет Эрик. — И ты сама это вскоре поймешь.

Затаиваю дыхание.

Сжимаюсь внутренне, готовясь к чему угодно, даже к тому, что это «вскоре» произойдет прямо сейчас, но...

Он неожиданно отстраняется.

Отпускает меня.

А потом я слышу его удаляющиеся шаги. И слова, которые обжигают меня на прощание:

— Надеюсь, этих впечатлений для рассказа твоей мамочке будет достаточно?

Шерон

Я влетела в комнату, захлопнула дверь, щелкнула замком и прислонилась к ней спиной, будто боялась, что Эрик сможет ее открыть. Даже теперь я не чувствовала себя в безопасности. Казалось, он в любую минуту может вломиться, снести дверь с петель и продолжить... продолжить то, что начал на террасе.

Мой взгляд упал на огромную кровать с белоснежными шелковыми подушками. Вот уж действительно, она пришлась бы кстати. Я так и представила: отморозок с красивыми злыми глазами, огромная кровать и насмерть перепуганная я... и никого в доме: кричи не кричи.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы заставить липкий ужас отступить. Ну чушь же! Не станет он ломать дверь. Так что мне незачем дрожать, как травинка на ветру.

Шли минуты, ничего не происходило, и страх постепенно меня отпустил. Я даже нашла в себе